

— первая среди лучших —

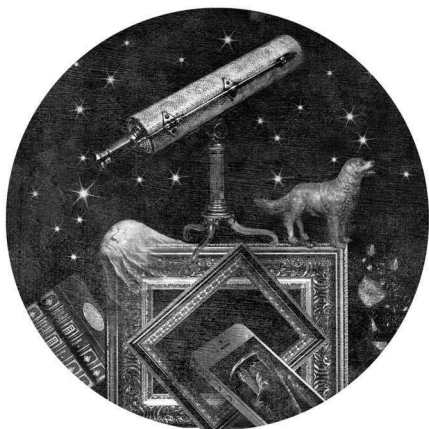
Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори "Всегда"
С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!
Шекспир мне друг, но истина дороже
Вселенский заговор

ТАТЬЯНА Устинова

Чудны дела
твои, Господи!

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Под редакцией *О. Рубис*

В оформлении книги использован шрифт
«Клементина» «© Студия Артемия Лебедева».

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Чудны дела твои, Господи! : [роман] / Татьяна
Устинова. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-699-89736-0

(Татьяна Устинова. Первая среди лучших)

ISBN 978-5-699-86916-9 (Русский бестселлер)

ISBN 978-5-04-119630-1

(Большие тайны маленьких городов)

Чудны дела твои, Господи! Как только Андрей Ильич Боголюбов вступает в должность директора музея изобразительных искусств в Переславле, вокруг него начинают твориться воистину странные, «чудные» дела! Бывшая директриса внезапно умирает прямо на глазах Боголюбова! Ему угрожают и пакостят: прокалывают покрышки, подбрасывают омерзительные записки, подозревают в попытках закрыть музей, даже пытаются убить!.. Скоро становится очевидно: здесь, в его музее, происходит нечто необъяснимое, грандиозное и темное. Боголюбову всерьез приходится взяться за расследование. И разобраться в своих чувствах к бывшей жене, которая неожиданно и совсем некстати появляется на пороге его нового дома, — воистину, чудны дела твои, Господи!

...Он все поймет, обретет новых друзей и старую любовь... Он заживет полной жизнью — в конце концов, самая интересная и насыщенная жизнь происходит как раз в тихой русской провинции!..

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89736-0 (мГУпсл)

ISBN 978-5-699-86916-9 (РБ_м)

ISBN 978-5-04-119630-1

(БолТайМалГ)

© Устинова Т. В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Красная площадь, дом один, — такой адрес был указан на бумажке, и Боголюбов очень веселился, адрес ему нравился. К навигатору решил не обращаться, интересней ехать по бумажке.

Ухая поочередно всеми колесами в самые что ни на есть настоящие, подлинные «миргородские» лужи, Боголюбов объехал двухэтажные торговые ряды — облупившиеся колонны подпирали римский портик, меж колонн бабки в платках продавали семечки, резиновые сапоги, камуфляжные штаны и дымковскую игрушку, носились на велосипедах дети и лежали, свернувшись, ничейные собаки — и покотил по указателю с гордой надписью «Центр». Красная площадь — это, должно быть, самый центр, а как же иначе!..

Дом номер один он увидел сразу — на зеленоватом от времени и плесени жидком штакетнике выделялась новехонькая ядовито-синяя табличка с белой единицей. За штакетником был садик, бедный, весенний, серый, а за садиком угадывался домик. Боголюбов притормозил возле покосившихся ворот и посмотрел в лобовое стекло.

...Ну что же! Начнем?..

Он вышел из машины, сильно хлопнул дверью. Звук резко прозвучал в сонной тишине Красной площади. По древней брусчатке семенили грязные голуби, равнодушно клевали крошки и от резкого звука лениво побежали в разные стороны, но не разлетелись. На той стороне возвышалась старинная церковь с колокольной, серое здание с флагом и памятник Ленину — вождь указывал на что-то рукой. Боголюбов оглянулся посмотреть, на что указывает. Получалось, как раз на дом номер один. Вдоль улицы тянулся ряд двухэтажных домов — первый этаж кирпичный, второй деревянный — и размещался магазин-стекляшка с надписью «Промтовары-кооп».

— Кооп, — сам себе сказал Боголюбов. — Вот так кооп!..

— Здравствуйте! — громко поздоровались совсем рядом.

Из-за штакетника подходил человек в клетчатой рубашке, застегнутой под подбородком. Он издали старательно улыбался и заранее протягивал руку, как Ленин, и Боголюбов ничего не понял. Человек подошел и потряс рукой перед Боголюбовым. Тот догадался и пожал.

— Иванушкин Александр Игоревич, — представился человек и подбавил несколько ватт в сияние на физиономии. — Выслан встретить, проводить, показать. Оказать помощь, если необходимо. Ответить на вопросы, если возникнут.

— А в доме с флагом что находится? — задал Боголюбов первый из возникших вопросов.

Иванушкин Александр вытянул шею, заглянул за Боголюбова и вдруг удивился:

— А! Там у нас горсовет. Бывшее дворянское собрание. Памятник новый, в восемьдесят пятом году поставили, под самую перестройку, а здание семнадцатого века, классицизм. В двадцатых годах прошлого века там располагался комитет бедноты, так называемый комбед, затем Пролеткульт, а потом уже здание перешло...

— Здорово, — непочтительно перебил Боголюбов. — А озеро в какой стороне?

Иванушкин Александр уважительно покосился на брезентовый горб прицепа — Боголюбов привез с собой лодку — и махнул рукой в ту сторону, где над низкими домами висело красное закатное солнце.

— Озера там, километра три. Да вы проходите, проходите в дом, Андрей Ильич. Или вы сразу на озеро?..

— На озеро я не сразу! — заявил Боголюбов. — Я на озеро потом!..

Он обошел машину, распахнул багажник и за длинные ручки, как за уши, выволок баул. В багажнике находилось еще довольно много баулов — большая часть жизни Андрея Боголюбова осталась в багажнике. Иванушкин подскочил и стал тянуть баул из рук Андрея. Тот не давал.

— Ну что вы, — пыхтел Александр, — как же, я помогу, позвольте.

— Не позволю, — отвечал Боголюбов, не выпуская баула, — я уж как-нибудь своими силами.

Он вышел победителем, захлопнул багажник, оказался нос к носу с существом в темных одеяниях и от неожиданности подался назад, пришлось даже взяться рукой за теплый бок машины. Существо

строго, не моргая глядело на него как будто из черной рамы.

— Зачем пришла? — напряженным голосом пробормотал рядом Александр Иванушкин. — Уходи!

— Подайте на бедность сироткам, — отчетливо выговорила убогая в черных одеждах. — Ради Христа.

Боголюбов полез в передний карман, где обычно болталась мелочь.

— Мало подал, — презрительно сказала убогая, приняв в холодную ладонь монетки. — Еще давай.

— Уходи, кому говорю!..

Боголюбов оглянулся на Иванушкина. Тот почему-то стал бледен, как будто перепуган, хотя ничего особенного не происходило.

— Уезжай отсюда, — велела кликуша, когда Боголюбов сунул ей бумажку — полтинник. — Нечего тебе тут делать.

— Я сам разберусь, — пробормотал Андрей Ильич, закидывая за плечо баул.

— Беда будет, — пообещала убогая.

— Уходи! — почти крикнул Иванушкин. — Еще каркает тут!..

— Быть беде, — повторила убогая. — Собака выла. Смерть кликала.

— Жил-был у бабушки серенький козлик, — пропел Андрей Ильич на мотив «Сердце красавицы склонно к измене», — жил-был у бабушки серый козел!

— Вы не обращайте внимания, Андрей Ильич, — чуть задыхаясь, говорил сзади Александр Иванушкин, пока они шли к дому по мокрой дорожке, засыпанной прелыми прошлогодними листьями, — она ненормальная. Все какие-то беды пророчит,

несчастья, хотя это и понятно, она сама человек несчастный, ее можно простить.

Боголюбов сделал оборот, едва не задев баулом по носу взволнованного собеседника.

— Да кто она-то?..

— Матушка Ефросинья. Это мы ее так зовем, хотя монашеского звания она не имеет, так, убогая просто. Ради Христа ходит просит, вот живет, не гонит ее никто, и вы не обращайтесь внимания...

— Я не обращаю. Это вы чего-то переживаете!..

— Да как же! Вы мое новое начальство, директор музея-заповедника, большая величина, я вам все условия создать должен...

Загремело какое-то железо, как будто протащилась цепь, и прямо под ноги Боголюбову выкатилась мерзкая грязная собака с оскаленной пастью, всхрапнула и отчаянно забрехала, припадая на передние лапы. Боголюбов, не ожидавший ничего подобного, оступился, тяжеленный баул поехал, накренился, и Андрей Ильич, новый директор музея-заповедника и большая шишка, брякнулся в грязь прямо перед носом бесновавшейся собаки. Она захлебнулась лаем и стала рваться с цепи с утроенной силой.

— Андрей Ильич, ах, как нескладно! Давайте, давайте, вставайте! Вы не ушиблись? Да что ж такое-то?! Пошла вон отсюда! Место! Иди на место, кому говорю! Держитесь за руку, Андрей Ильич!

Боголюбов оттолкнул руку Иванушкина, кряхтя, поднялся из жидкой грязи. Баул валялся в луже. Собака билась в истерике прямо перед ним.

— Утопить бы ее, да некому. Хотели, чтоб ветеринар усыпил, а он говорит, что без разрешения

хозяев усыплять не имеет права, вот, Господи помилуй, незадача какая!..

— Так, все, — распорядился Боголюбов, — хватит. Вода в доме есть?

Руки, джинсы, локти — все было в черной смачной грязи. Жил-был у бабушки серенький козлик!..

— Вода, — бормотал сзади Александр Иванушкин, поднимаясь следом за Боголюбовым на крыльцо, — вода у нас есть, насос качает, и колонка есть, греет, так что... Вы меня извините, Андрей Ильич, за недосмотр, что ты будешь делать...

Боголюбов одну за другой толкнул белые крашенные двери и вошел в тихий полумрак, пахнущий чужой жизнью и старым деревом. Помедлил и один о другой стащил ботинки — полы были устланы чистыми половиками.

— Ванна в кухне, — продолжал сзади Иванушкин Александр, — там и колонка, и раковина. А туалетик дальше по коридору, вон последняя дверь, только крючок приладить надо, я не успел.

— Туалетик, — повторил Андрей Ильич и стал расстегивать и стаскивать джинсы прямо посреди коридора. — Как вы думаете, Александр, нам удастся отстоять мои вещи? Или чудовище уволокло их в свою пещеру?..

Новый подчиненный вздохнул.

— Она под крыльцом живет, — сказал он и отвел глаза, — привязали, когда директор слег. Он, бедолага, не сразу помер, лежал месяца три. А она никого к себе не подпускает! Бывало, срывалась, убегала, но потом приходила, ее опять привязывали. Еду туда, под крыльцо, кидаем. Усыпить бы ее верное дело, а еще лучше пристрелить. У вас ружья нет?..

Иванушкин помедлил и загрохотал башмаками по крашеным полам — отправился спасать вещи нового начальника. Боголюбов стащил джинсы и, неся их в отставленной руке, вошел в тесную кухню. Здесь были круглый стол, покрытый клеенкой, несколько жестких стульев, мрачный буфет с оторванной дверцей, щербатая раковина, плита времен Очакова и покоренья Крыма, длинная узкая латунная ванна с двумя краниками и газовая колонка на стене.

Андрей Ильич швырнул джинсы в ванну, повернул краник — внутри дома что-то засипело, поднатужилось, захрюкало. Долгое время ничего не происходило, а потом из краника полилась вода.

— И на том спасибо, — пробормотал Андрей Ильич и стал энергично намыливать руки куском розового земляничного мыла, пристроенного на край ванны.

В конце концов, это даже забавно. Козлик начинает новую жизнь на новом месте. Нет, нет, не козлик, а целый козел. Жил-был у бабушки серый козел!..

Александр Иванушкин втащил баул — с одного боку тот совершенно промок — и завздохал.

— Что вы сопите? — осведомился Боголюбов, выжывая из баула чистые джинсы. — Лучше расскажите, как обстоят дела во вверенном мне музейном учреждении!

— Закрывать нас приехали? — спросил Александр бодряческим тоном. — Или перепрофилировать?.. В городе идут разговоры, что музей закрывают. А к нам не только школьники и пенсионеры, к нам научные работники со всей страны едут, иностранцы тоже. Мы тематические программы, лекции

проводим, наш музей — центр культурной жизни всей области, так сказать.

Боголюбов, натянув джинсы, сдернул с круглого стола клеенку, скатал ее в огромный бесформенный ком и поискал глазами, куда бы выбросить. Не нашел и сунул на стул, за плиту. Александр проводил ком глазами.

— В этом доме старый директор жил, — выговорил он с тоской. — Пока не умер.

— Пока не умер, жил, — повторил Боголюбов. — Это логично.

— Мы ведь думали, Анну Львовну назначат, а оказалось, по-другому решили. Вас назначили. В Москве видней, конечно.

— Конечно, — согласился Андрей Ильич. — Высоко сажу, далеко гляжу.

— Анна Львовна в возрасте, естественно, но специалист большой, всю жизнь в нашем музее работала. Вам бы с ней поговорить, Андрей Ильич. Так сказать, для начала, для вхождения в курс. А то ведь поздно будет...

— Почему поздно? — рассеянно спросил Боголюбов, прикидывая, когда именно стирать джинсы — прямо сейчас или подождать, пока Иванушкин перестанет окружать его заботой и вниманием.

Александр вздохнул так, что широченные плечи, стиснутые клетчатой рубашкой, поднялись и опустились.

— Уезжает Анна Львовна, — горестно поведал он. — К сыну в Кисловодск. Хотела еще до вашего приезда, да мы уговорили задержаться... Как узнала, что новый директор из Москвы назначен, так и стала собираться. Она же на пенсии давно, заслуженный

работник культуры, человек уважаемый. А с ней так... поступили.

— Ну, если вы намекаете, что я подсел уважаемую Анну Львовну, — сказал Боголюбов, так окончательно и не решив про штаны, — то не старайтесь особенно. Я ее не подсиживал.

— Что вы, что вы, — перепугался Александр, — как можно! Я и сам тут человек новый, только три месяца как, просто мы не ожидали вашего назначения.

— Я сам не ожидал, — признался Андрей Ильич. — А что делать?..

— Фу-ты, — сказал Александр и расстегнул и опять застегнул пуговку на тесном воротнике. — Как нескладно-то...

— И не говорите, — согласился Боголюбов.

Большими шагами он обошел три тесные комнаты. Одну из них почти целиком занимала пышнотелая кровать с никелированными шишечками и горой подушек, на подушки наброшено связанное крючком покрывальце. В другой были письменный стол под зеленым сукном, окно, выходившее в бедный и голый вечерний сад, книжные шкафы с мутными волнистыми стеклами без единой книги и пара пыльных диванов, а в третьей стол, не круглый, а овальный, пустая посудная горка, какие-то портреты в рамах, еще один продавленный диван и несколько колченогих стульев. Из коридора узкая лесенка вела на второй этаж.

— Наверху холодная и чердак, — проинформировал Александр Иванушкин. — Старый директор в холодной мастерскую устроил. Он живопись очень любил и астрономию тоже. А наверху как раз света

много!.. Он там и картины свои писал, и телескоп держал.

— Телеско-оп? — удивился Андрей Ильич. — А вы раньше где работали?..

— В Ясной Поляне, — быстро ответил Иванушкин. — Научным сотрудником. Сюда с повышением пришел, заместителем директора. То есть вашим заместителем.

— Ясная Поляна — место известное. Я бы даже сказал, знаковое, — пробормотал Боголюбов. — Не скучно вам здесь? Все же масштабы другие.

— Мне не скучно, — ответил Иванушкин с некоторым вызовом. — У нас вообще не скучно, Андрей Ильич. Наверное, после Москвы так не кажется, привыкнуть надо, но человек думающий всегда и везде найдет себе подходящее занятие и возможность продолжать научную работу. Я с Лондонской национальной галереей состою в постоянной переписке, к лету ждем оттуда коллег, которые европейскую живопись девятнадцатого века изучают. У нас отличная коллекция, все в полном порядке!.. Такой коллекцией, как наша, не всякий столичный музей может похвастаться.

— Здорово, — оценил Боголюбов. — А где еды купить?.. Или вы только духовную пищу принимаете?

— Почему, не только духовную... — Александр потянул себя за клетчатые манжеты. — У нас, как везде, супермаркет есть большой, прямо напротив, за горсоветом. Называется «Мини-маркет «Лужок». Рынок есть, но сейчас уже закрыт, конечно. Другие магазины всякие. Рядом с вами булочная, называется «Калачная № 3», прямо здесь, на Красной площади,

а дальше «Мясо-рыба». Модест Петрович ресторан держит для туристов, трактир «Монпансье» называется, тоже тут рядом, по правую руку. Вкусно, но дорого очень. Теперь всех на старину тянет, особенно столичных жителей. Очень им нравятся трактиры, калачные! У нас гостиница, и та — «Меблированные комнаты мещанки Зыковой»!

— А что? Хорошо придумано.

— Так закрывать нас приехали или только перепрофилировать?..

Боголюбов, которому надоел заместитель с его заискивающим видом и нелепой клетчатой рубашкой, объявил, что музей как пить дать будет перепрофилирован в развлекательный комплекс, а территория поделена между лечебницей для наркоманов и стрельбищем, а он, Александр Иванушкин, возглавит направление по работе с трудными подростками.

Александр моргнул.

— Спасибо большое, — сказал Андрей Ильич. — За теплый прием, за любовь, за ласку! Завтра часов в десять заходите за мной. Отправимся на рабочее место, посмотрим, что нужно сделать в плане будущего пейнтбола. А сейчас — прошу прощения. Мне бы вещи разобрать.

Гость — или, наоборот, хозяин?.. — закивал и поспешно ретировался. Между старыми яблонями мелькнула клетчатая рубашка и пропала за штакетником.

Андрей Ильич перетаскал из машины вещи, простирнул в тазу джинсы. Затем вышел из дома. Мерзкая собака кинулась ему под ноги, давясь и захлебываясь лаем. Цепь не пускала ее, но Боголюбов все же шархнулся в сторону и опять чуть не упал.

Он подошел к машине и не поверил своим глазам. Правая передняя крышка была порезана, отчего казалось, что машина внезапно охромела на одну ногу. Из резинового обода торчал нож, припиливший грязный лист бумаги. Боголюбов присел и посмотрел.

«Убирайся, пока не поздно», — было накалякано черным маркером.

Боголюбов с трудом вытащил нож, скомкал бумагу и огляделся.

Никого не было на площади, только в отдалении мужик катил тачку, громыхавшую по древнему булыжнику, и длинная фигура в черных одеждах крошила из пакета хлеб совавшимся голубям.

В трактире «Монпансье» было как у Андрея Ильича в доме — крашенные полы, чистые половики, на окнах горшки с геранью, на скатертях оборочки, связанные крючком, — и народу никого, только музыка играла громко. По плоскому телевизионному экрану скакала фиолетовая силиконовая блондинка.

В центре накрыт длинный стол — посередине букет и композиция из бананов и ананаса.

Андрей Ильич вздохнул, сел у окна, потрогал герань и понюхал ладонь — до чего вонючий цветок, невозможно!.. Хозяйственные дела — и вообще дела! — на сегодня закончены: он добрался до «места назначения», познакомился с заместителем, свалился в лужу, «заселился», получил предложение убраться вон, простирнул штаны, перетаскал из машины вещи. Теперь ему хотелось поесть и выпить. Он еще понюхал ладонь. Запах герани напоминал

детство и болезнь под названием «свинка». Бабушка всегда подкладывала в компресс листы герани: почему-то считалось, что они «лечат».

За стойкой произошло какое-то движение, мелькнул свет, открылась и закрылась дверь. Боголюбов ждал. Из-за стойки выскочил бойкий молодой человек, причесанный на пробор, с кожаной папкой в руках и в длинном белом фартуке. Папку он держал перед собой, как щит.

— Добрый вечер! — выпалил молодой человек. — Мы закрыты на спецобслуживание, там на двери табличка.

— Поужинать дадите?

Официант загородился папкой.

— Мы закрыты, — повторил он. — На двери висит табличка. У нас сегодня большой банкет.

— Мне бы горячего чего-нибудь. Скажем, супу. Есть солянка? Ну и мяса, что ли. И кофе сразу. У вас кофемашина варит, или вы своими силами справляйтесь?.. Если своими силами, тогда лучше чаю.

Официант затосковал.

— Спецобслуживание у нас, — повторил он. — Вы что? Не понимаете?.. Я сейчас.

И ринулся за стойку.

— Потихе звук сделайте! — вслед ему крикнул Боголюбов. — А лучше совсем выключите!

Фиолетовую блондинку на экране сменил изможденный брюнет и надал про любовь. Рядом с боголюбовским столом неслышно материализовался большой серый кот, уселся посреди половика, подумал и стал умываться. Вид у него был заспанный.

Боголюбов, которому надоело ждать, когда на кухне закончится совещание, встал и подошел к ра-

зорявшемуся телевизору. Как же его выключить, а?.. Из розетки, что ли, выдернуть?..

— Добрый вечер, — выговорил сочный бас. Боголюбов заглянул за панель в поисках розетки. — Мы в нашем трактире всегда рады гостям, но сегодня, к сожалению, не можем вас угостить! У нас мероприятие...

Розетка оказалась высоко. Боголюбов, придерживая пластмассовый угол, потянулся и выдернул штепсель. Экран погас, песнопения прекратились.

— Вот как прекрасно, — в наступившей тишине пробормотал Андрей Ильич и вылез из-за телевизионной панели.

Обладатель сочного баса оказался крепким седым мужиком, одетым в черный залоснившийся костюм и почему-то в галоши. На носу нелепо торчали очки. Давешний молодой человек маячил у него за плечом.

— Здравствуйте, — поздоровался Боголюбов. — До чего я эту музыку не люблю! Вот не люблю, и все тут!..

— Многие гости любят, — ответил мужик, рассматривая его. — Как же в ресторане без музыки?..

— Модест Петрович, — душевно произнес Андрей Ильич, — вы мне дайте поужинать, и дело с концом. На банкет и спецобслуживание я не претендую. Есть очень хочется!.. И выпить бы неплохо тоже. А «Калачная № 3» на замке. Что нам делать?

— Вот так даже, — задумчиво протянул мужик. — А вы, значит, кем будете?..

— Я буду директором музея, — сообщил Боголюбов. — Да я уже, собственно, и есть директор!..

Ваш сосед, проживаю по адресу Красная площадь, дом один!..

— Я даже не видел, как он зашел, — сунулся официант.

— А Слава где? — не поворачивая головы, спросил Модест Петрович, и официант сорвался и куда-то побежал, видимо, искать Славу, проглядевшего Боголюбова. — А вы проходите, присаживайтесь! Конечно, покормим, раз такое дело. Давно приехали?..

— Сегодня и приехал.

— Так это ваша машина с лодкой на прицепе?

— Моя, — признался Боголюбов, обошел кота и уселся на прежнее место под геранью.

— Рыбак? Охотник?

Андрей Ильич покивал — и рыбак, и охотник.

— А... откуда имя мое знаете?

— Разведка донесла, Модест Петрович!..

— А вас как именовать прикажете?

Андрей Ильич назвал. Несмотря на все странности и неприятности сегодняшнего дня, у него было хорошее настроение. Самое главное — начать. Он долго готовился, собирался, примеривался, зная, что дело его ждет трудное. Сегодня трудности начались, и это очень хорошо. Раз начались, значит, дальше они пойдут к концу, обратного хода нет. Пойдут, пойдут и когда-нибудь кончатся!..

— Мне бы супу горячего, — попросил Боголюбов. — Мяса жареного. И водки... сто пятьдесят.

— Может, двести? — усомнился Модест Петрович.

Андрей Ильич засмеялся.

— Двести, Модест Петрович, это к приключениям! А мне на сон грядущий.

Модест кивнул, принимая объяснение, повернул и подтолкнул официанта, вознамерившегося положить перед клиентом папку, ушел за стойку и вернулся со штофом зеленого стекла, двумя стопками и тарелкой, на которой было разложено розовое сало.

— Позвольте угостить нового директора. — Он водрузил на скатерть тарелку и ловко разлил по стопкам водку. — Ну, с приездом и для аппетита!

Они чокнулись и синхронно опрокинули.

— Закусить, закусить, Андрей Ильич! Мы сольце сами солим, к нам за ним из Москвы едут!

Боголюбов закусил.

— За что же в столице такое к нам неуважение и недоверие оказывают?..

— В каком смысле?

— Да вот... вас прислали! Вы ведь небось человек занятой, к столичной жизни привычный! А у нас тут тишина, скука. Неторопливость наблюдается. Неловко вам здесь будет. Да и вникнуть надо. А Анна Львовна тридцать лет музей содержит так, что любодорого, в иностранных путеводителях он обозначен! И такое к ней нерасположение вдруг проявилось! Она ведь и при покойном директоре все сама, все сама. До всего доходила, во все дела вникала!..

Боголюбов подцепил с тарелки еще кусок.

— Вкусное у вас сало.

— Стараемся. Да вы кушайте, кушайте!.. Костик, поторопи там соляночку!.. Чтоб огненная была!.. У нас ведь какие слухи ходят? У нас поговаривают, что не просто так из столицы человека присылают,